

ВОЕННЫЙ ШПИОНАЖ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. В. Перегудов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 октября 2014 г.

Аннотация: в статье представлены сюжеты становления органов контрразведки Российской империи, а также понятийный аппарат контрразведывательной деятельности. Освещается борьба служащих жандармерии с военным шпионажем на территории Воронежской губернии в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, шпионаж, жандармерия.

Abstract: the article discusses subjects about becoming of counterintelligence of the Russian Empire and conceptual apparatus of counterintelligence activities. Presented the struggle of the gendarmerie with military espionage in the Voronezh province during the First World War.

Key words: the First World War, espionage, gendarmerie.

В период Первой мировой войны Жандармское управление в Воронеже сосредоточило свои усилия на оказании содействия контрразведывательным органам государства. Контрразведывательная деятельность включала такие задачи, как выявление настроений различных слоев населения; подготовка к подавлению всякого опасного для государства оппозиционного движения; составление и дополнение списка подозрительных и политически неблагонадежных лиц; выявление опасных иностранцев, подлежащих высылке и т.д.

Основой для подготовки данной публикации послужили материалы из фонда Воронежского губернского жандармского управления (ГЖУ), хранящиеся в Госархиве Воронежской области и составляющие значительную часть коллекции за 1914–1916 гг.

Становление российской контрразведки в начале XX в. проходило в сложных бюрократических и организационных условиях. Необходимость ее появления назрела еще в годы русско-японской войны, однако только в 1908–1910 гг. удалось приступить к практическим мерам по ее созданию. В эти годы работали две межведомственные комиссии по организации борьбы со шпионажем в России. Было принято решение о том, что контрразведывательная служба должна состоять «в ведении военного начальства». Основной исполнительской силой в формирующихся контрразведывательных отделениях становились опытные в розыском деле жандармские офицеры. Тем самым была претворена в жизнь идея премьер-министра и руководителя МВД П. А. Столыпина о неразрывности борьбы со шпионажем с деятельностью подразделений, обеспечивающих

государственную безопасность. Контрразведка, по мнению Столыпина, – одна из отраслей политического розыска. С этой точки зрения вполне закономерно, что осуществлять контрразведывательную деятельность предстояло офицерам Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ).

1-й межведомственной комиссией (1908) был одобрен понятийный аппарат контрразведывательной деятельности, взятый в дальнейшем за основу при подготовке законодательных актов. Он разрабатывался Главным управлением Генерального штаба. Так, военным шпионством назывался «сбор всякого рода сведений о вооруженных силах (сухопутных и морских) и об укрепленных пунктах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщения, проводимый с целью передачи их иностранной державе». Контрразведкой называлась деятельность, заключающаяся «в своевременном обнаружении лиц, занимающихся разведкой для иностранных государств, и в принятии мер по воспрепятствованию разведывательной работе этих государств в России». Конечной целью являлось привлечение к судебной ответственности лиц, уличенных в военном шпионаже, на основании ст. 108–119 Уголовного уложения 1903 г. или прекращение «вредной деятельности» названных лиц хотя бы административными мерами [1, с. 167–168].

8 июня 1911 г. военный министр В. А. Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных отделениях», создававшихся при штабах военных округов. На основании этого и ряда сопутствующих документов российская контрразведка наконец-то приобрела официальный статус. Согласно «Положе-

нию» контрразведывательные отделения (КРО) создавались «для борьбы с военным шпионством и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам империи» [1, с. 176]. Финансирование контрразведывательной деятельности осуществлялось по линии Военного ведомства.

В 1911–1912 гг. руководство Департамента полиции (ДП) не торопилось с оказанием реальной помощи контрразведке, поскольку не видело своей роли и места в борьбе со шпионажем. Оно сосредоточило все свои лучшие силы и средства на решении первоочередной задачи – борьбы с инакомыслием внутри страны. Новый директор ДП С. П. Белецкий в одном из своих первых циркуляров начальникам ГЖУ в 1912 г. прямо указывал, что содействие контрразведке не должно отражаться на успешном выполнении ими своих прямых обязанностей по ведению политического розыска.

С началом Первой мировой войны розыскным органам Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов пришлось отказаться от тактики невмешательства в борьбу со шпионажем.

В июле 1914 г. было утверждено «Положение о полевом управлении войск в военное время», в соответствии с которым Россия делилась на две «отдельные части»: фронт и тыл. Возникли два независимых друг от друга военных центра: на театре военных действий – Верховный главнокомандующий и его штаб, в тыловых районах – Военное министерство с входящим в него Главным управлением Генерального штаба. Налицо было организационное противоречие, не позволявшее в условиях войны обеспечить единое командование фронта и тыла.

Создание органов контрразведки в действующей армии растянулось на несколько месяцев и завершилось не ранее середины 1915 г. В Военном ведомстве недооценивали место и роль контрразведки в масштабной современной войне, неправильно прогнозировали направления разведывательно-подрывной деятельности противника. По взглядам тех, кто разрабатывал стратегию русской армии, война предполагалась маневренной и скоротечной. Разгром противника мыслился в ходе крупных сражений уже в 1914 г. Роль контрразведки сводилась в основном к защите секретных планов мобилизации накануне войны, стратегических и тактических замыслов проведения боевых действий и сведений о новых образцах военной техники [2, с. 22]. Таким образом, задачи контрразведки необоснованно сужались до защиты чисто армейских секретов.

На территориях, не входящих в район театра военных действий, продолжали функционировать КРО окружных воинских штабов, созданные на основании Положения от 1911 г. Они практически не

подверглись какой-либо реорганизации после начала войны.

Воронежская губерния относилась к тыловым районам империи. Местное Жандармское управление в вопросах борьбы со шпионажем было подконтрольно КРО при штабе Московского военного округа. Контрразведывательное отделение располагалось по адресу: г. Москва, Арбат, Малый Успенский переулок, д. 4-а, кв. 1. Указания, распоряжения, аналитическая и прочие виды информации, направляемые в губернскую жандармерию, попеременно содержали подписи двух контрразведчиков: руководителя КРО при штабе Московского военного округа подполковника князя В. Г. Туркестанова и его помощника подполковника В. В. Тишевского.

В своей работе служащие губернской жандармерии опирались на усовершенствованную незадолго до войны правовую базу. 5 июля 1912 г. императором Николаем II был высочайше утвержден законопроект «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства» [3]. Новый закон не только ликвидировал прежнюю отсталость российского законодательства в области борьбы с иностранным шпионажем, но и давал серьезное оружие судебным и контрразведывательным органам для борьбы со шпионажем. С его принятием шпионаж против России стал тягчайшим видом государственной измены, а наказание за некоторые шпионские деяния увеличилось с 8 лет каторжных работ до бессрочно-го отбывания на каторге.

Шпионские дела за период 1914–1916 гг. на территории Воронежской губернии представляют собой причудливый калейдоскоп исторических сюжетов и человеческих судеб.

Подозрения в шпионаже подчас вызывали люди, активно интересующиеся в силу своего праздного обывательского любопытства всем происходящим на фронте. Так, 3 октября 1914 г. начальнику Воронежского ГЖУ поступил из г. Минска от ротмистра ОКЖ Науменко документ следующего содержания: «На имя сестры милосердия 210 запасного полевого госпиталя, развернутого в г. Минске, Вакулиной поступило несколько писем, писанных на бумаге с бланком “Общество Юго-Восточных железных дорог. Управление службы тяги, г. Воронеж”. Письма частного характера с подписью “Твоя Нюська”, но на одном из них подпись М. Томченко». Прилагалась копия одного из писем от 18 августа 1914 г., под которым была указана настоящая подпись корреспондента: «Уважаемая Тася, шлю сердечный привет и желаю успеха в делах Вашего искусства на пользу дорогого нам Отечества. Покорнейшая просьба, пишете, что только можно будет сообщать с театра военных действий, потому что меня страшно интересует все происходящее в военном лагере, и думаю, что Вы сообщите вернее, чем сообщат нам

газеты. Пишите прямо сейчас же, как только будете иметь возможность, и сообщите о ходе наступления наших войск и какие местечки и города будут заняты нашими войсками, с какими потерями с той и другой стороны, какого числа будут происходить грандиозные сражения и в каких местностях. Словом, пишите все живо, что только будете знать и от раненых, и вообще все слухи. Пока всего хорошего. До свидания. Желаю здравствовать» [4, л. 113].

Фронтowych жандармов, просматривавших данную переписку, привлекла личность автора писем, так интересующегося ходом военных действий. Унтер-офицер Воронежского ГЖУ Василий Ерошин навел справку в городском адресном столе: Томченко Михаил Николаевич, 23 лет, холост, слесарь воронежских мастерских при ж.-д. станции Воронеж. Также были собраны негласные сведения, но ничего предостудительного о слесаре зафиксировано не было.

Под особое внимание попадали такие средства связи, как телеграф, почтовые и голубиные станции и, соответственно, те, кто прибегал к их посредству. 28 августа 1914 г. начальник Воронежского отделения Воронежского жандармско-полицейского управления железных дорог представил в канцелярию ГЖУ на Большой Девичкой, дом Глумовой № 26 задержанного по подозрению в военном шпионаже Казимира Пеньковского. Основанием для задержания послужили две телеграммы на русском и немецком языках, адресованные экспедитору Катцнеру в Подволочинск¹: «Телеграфируйте, где машина Рихтера 3950». У Пеньковского были изъяты личные вещи: папка с рисунками, на одном из которых, помеченном 2 июля 1913 г., имелась надпись о желательности снять дачу на линии железной дороги против разъезда поездов, а также коробочка с монпансье и мятными лепешками, кошелек с содержимым в 2 руб. 67 коп., футляр с красками и пр.

В дальнейшем выяснилось, что К. И. Пеньковский служит преподавателем чистописания и рисования в Воронежской Николаевской женской прогимназии. В протоколе допроса указал, что 28 августа пришел на станцию Отрожка для того, чтобы срисовать вид реки. Телеграмму же хотел подать об ускорении высылки токарного станка, который заказывал, но телеграфист принять телеграмму отказался. Видимо, после этого Пеньковский и был задержан. В Жандармском управлении постановили освободить преподавателя, сняв с него все подозрения в шпионаже, так как личностью в Воронеже он был хорошо известной [4, л. 87–88, 92].

В апреле 1915 г. в Воронежское ГЖУ поступили сведения от тамбовских коллег о том, что с июля 1914 г. по настоящее время в пределах Борисоглеб-

ского и Кирсановского уездов продолжают появляться воздухоплавательные аппараты, имеющие направление на Балашовский и другие уезды соседних губерний. Однако в ходе запросов из ГЖУ полицейским исправникам граничащих с Тамбовской губернией уездов – Воронежского, Задонского, Новохоперского и Бобровского – аэропланов ни у кого выявлено не было, и ничего подобного никто не видел [5, л. 2].

29 июля 1915 г. воронежский губернатор переслал в ГЖУ копию телеграммы окружного атамана Хоперского округа из станицы Урюпинской: «Колонию немцев “Центральная” Новохоперского уезда, около слободы Пыховки, 16, 24, 27 июля в 12 часов ночи пролетал аэроплан, освещая местность сильным прожектором». На этот раз Жандармское управление, ввиду повторного обращения о летающих объектах, не стало ограничиваться запросом о произошедшем уездному полицейскому исправнику, взявшись за расследование самостоятельно.

Следствие проводил вахмистр Степан Сиволапов. Путем собирания негласных сведений им было выяснено, что «...слух о пролете будто бы аэроплана впервые прошел на базаре в сл. Бурляевке Новохоперского уезда еще осенью 1914 г. и с тех пор постепенно распространялся по разным селениям Новохоперского уезда и прилегающим населенным пунктам Борисоглебского уезда Тамбовской губернии и Хоперского округа Донской области». Сиволапов сделал предположение, что «слухи умышленно могут распространяться некоторыми из бывших служащих у немцев окрестных хуторов, враждебно к последним настроенным за их плохое обращение с рабочими: плохо кормят, в зимнее время помещают в конюшнях и сараях, заставляют работать в дни православных праздников». Жандармский вахмистр негласно опрашивал о резонансном деле население, живущее в районе немецкой колонии «Центральная» на расстоянии от 2 до 12 верст. По его словам, крестьяне сл. Пыховка (составлявшие основную часть поденных работников у немцев) зарекомендовали свою неблагонадежность в политическом отношении еще во время революционного движения в 1905–1907 гг.: в слободе был организован революционный комитет. В настоящее время ничего подобного нет, но разные вздорные слухи иногда появляются, почему от пыховских крестьян возможно ожидать всевозможных ложных слухов. Теперь рабочие открыто отказываются трудиться в праздники, а немцы, боясь возбудить открытого недовольства, не настаивают на своих требованиях [5, л. 12, 16–17].

Таким образом, начавшаяся с Германией война была очень удобным для пыховских крестьян средством достижения своих личных корыстных интересов во взаимоотношениях с немцами-колонистами. В дальнейшем судебным властям предстояло доказать

¹ Одноименный поселок в современной Тернопольской области на западе Украины.

их вину в распространении ложных слухов, «возбуждающих беспокойство в умах». В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ст. 37 предусматривала за это деяние до 15 суток ареста либо денежное взыскание не свыше 50 рублей.

Были у воронежских жандармов и реальные успехи. В годы войны большинство представителей немецких торговых и промышленных предприятий, деятельность которых была развернута на территории Российской империи, подозревались правоохранительными органами в шпионаже в пользу противника. В частности, много вопросов у русских контрразведчиков было к швейной компании «Зингер». Ее головной офис находился в Гамбурге, а в Санкт-Петербурге (с 1912 г. в Москве) – филиал. Пост директора-распорядителя занимал офицер германской армии Аугуст Флор. В его подчинении находились четыре заместителя, каждый из которых отвечал за свой регион («район») России. В свою очередь, каждый район делился на зоны ответственности «центральных отделений фирмы», в подчинении которых имелись «депо» и сеть коммерческих агентов. Данная структура позволяла обеспечить стопроцентное покрытие территории Российской империи.

При объявлении мобилизации в России германская спецслужба для выяснения численности призванных из запаса нижних чинов использовала разветвленную по всей Российской империи сеть структурных подразделений компании «Зингер». Каждый ее агент был обязан изучать обслуживаемую им местность во всех отношениях и в течение года несколько раз представлять списки населенных пунктов с точным указанием дворов и жителей. В распоряжении заведующих «депо» имелись карты, на которых записывались необходимые данные. Управляющие центральными отделениями, снабженные картами, объезжали заведующих «депо» 3–5 раз в год, обозначая места проживания представителей администрации, расположение войск, складов, железнодорожных узлов, сооружений и т.д. Сведения особо секретного характера передавались устно при личных встречах. Каждому агенту вменялось в обязанность поддерживать самые лучшие отношения с администрацией, а также военными и гражданскими чинами, предоставлять им льготы при продаже швейных машин. Еще в 1913 г. «Зингером» заинтересовалась военная контрразведка, в частности КРО при штабе Иркутского военного округа.

12 июня 1915 г. под грифом «Совершенно секретно» был выпущен циркуляр воронежского губернатора, адресованный всем начальникам полиций. В нем шла речь о некоторых агентах швейной компании «Зингер», занимающихся шпионажем на территории губернии. Предполагалось выяснить личности всех служащих компании. За теми же, «которые не

внушают к себе полного доверия, установить самое внимательное наблюдение, в особенности же за разъезжающими в сельских местностях» [6, л. 41].

5 ноября 1915 г. пристав 4 стана Богучарского уезда Колодыко подал рапорт на имя начальника воронежской жандармерии полковника В. И. Дацевича, в котором сообщал, что в соответствии с изданным циркуляром воронежского губернатора им было установлено наблюдение за конторой компании «Зингер», находящейся в слободе Калач, и за всеми ее служащими. В ходе наблюдения было замечено, что заведующий конторой крестьянин Гродненской губернии М. И. Попко-Кухта и приехавший к нему управляющий центрального отделения «Зингер» в г. Курске харьковский мещанин Г. Н. Монастырский «секретно сожгли несколько пудов бумаг по август месяц с. г., а некоторые бумаги <...> отправили посылкой по почте в г. Курск в центральное отделение».

В результате дальнейшего расследования и проведенных совместно с жандармским унтер-офицером Чукановым 21 и 27 октября обысков конторы «Зингер» и квартир ее служащих выяснилось, что сожженные бумаги имели большое значение для воевавших с Россией государств. Часть таких бумаг найдена при обыске в конторе за шкафом и в столе Попко-Кухта. Содержание бумаг явно указывало на шпионскую деятельность зингеровцев. Были обнаружены три черновых списка (перечня) заводов, фабрик, маслобоен, мельниц и более крупных мастерских с описанием всех предметов этих предприятий, указанием, кто является владельцем, на каком расстоянии от станции железной дороги и т.д. Также обнаружено несколько экземпляров сведений, «на обороте коих собственноручно Попко писал и сообщал в центральное отделение о мобилизации войск, настроении духа населения, об урожаях» и т.п. Свидетельскими показаниями установлено, что в мае–июне 1914 г. за этими сведениями приезжал и много взял переодетый германский офицер, для которого Попко старался как можно точнее и без пропуска дать списки о населении, селах и даже малых хуторах, находящихся в его районе [7, л. 8–8 об.].

18 ноября помощник начальника Воронежского ГЖУ в Острогожском уезде ротмистр Малюгин арестовал заведующего конторой «Зингер» в слободе Калач Попко-Кухта в соответствии со ст. 21 «Положения о мерах к охранению государственного порядка» с заключением его в Острогожскую уездную тюрьму [7, л. 28]. Подобная участь постигла и руководителя центрального отделения «Зингер» Монастырского. Главный воронежский жандарм телеграфировал своему коллеге Мрочкевичу в Курск о ходе шпионского дела, прося провести обыск в магазине и центральном отделении «Зингер», а также на квартире Монастырского. Несмотря на то, что обыск ничего

не дал (Монастырский был осведомлен об аресте Попко и ожидал скорого обыска), харьковский мешанин все же был арестован. В конце ноября 1915 г. прокурор Острогожского окружного суда передал дело о шпионаже в пользу Германии следователю по особо важным делам для производства предварительного следствия [7, л. 43].

Успешная ликвидация агентов-шпионов калачевской конторы «Зингер» не осталась незамеченной в верхах. 7 декабря 1915 г. подполковник ОКЖ при штабе Московского военного округа Тишевский направил в адрес начальника воронежской жандармерии послание с тремя вопросами, основная суть которых сводилась к тому, кто же сыграл главную роль в раскрытии шпионской деятельности зингеровцев. Сведения были необходимы Тишевскому для доклада начальнику штаба Московского военного округа. Ответ Дацевича отличался предельной честностью: «...я считаю, что первоначальные сведения, явившиеся результатом толкового наблюдения пристава Колодыко, вызвали затем логически последовательные действия помощника моего ротмистра Малюгина, инструктировавшего унтер-офицера Чуканова, а поступившее ко мне от пристава Колодыко первоначальное сообщение по обстоятельствам дела вызвало с моей стороны посылку телеграмм о ликвидации Попко-Кухта в Калаче и Монастырского в Курске» [7, л. 60, 65]. 24 декабря 1915 г. Тишевский поручил Дацевичу довести до сведения воронежского губернатора о действиях пристава Колодыко, а жандармскому унтер-офицеру Чуканову выдать в награду 25 рублей.

Однако Совет министров Российской империи, рассмотрев 18 сентября 1915 г. вопрос о принятии мер в отношении акционерного общества, распорядился приостановить вне театра военных действий дальнейшее закрытие магазинов и отделений «Зингера», а также постановил открыть ранее закрытые учреждения. Вопреки принятому на высшем государственном уровне решению начальник Генерального штаба генерал М. А. Беляев приказал военным контрразведчикам продолжать наблюдение за деятельностью сотрудников «Зингера». В результате им удалось нейтрализовать несколько резидентур германской разведки.

Особое внимание в годы войны было приковано к иностранным подданным воевавшим с Россией государств. Так, 31 июля 1914 г. воронежский полицмейстер Левандовский задержал болгарина Стефана Станева, именовавшего себя кругосветным путешественником. Препровождая сведения о задержанном путешественнике в местное Жандармское управление, полицмейстер подписал: «Со своей стороны полагаю, что путешествие по России сейчас несвоевременно». 2 августа из Москвы от князя Туркеста-

нова в ГЖУ была получена телеграмма. Путешествие надлежало прекратить, болгарина выслать с проходным свидетельством за границу, предварительно проведя обыск. В ходе обыска в квартире Станева обнаружили еще двух человек: его жену и друга, путешествовавшего вместе с ними. У всей троицы документы были в порядке, сам же обыск ничего предосудительного не выявил [4, л. 64, 69, 72].

Практически все подданные Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Турции призывного возраста, находившиеся в начале войны на территории России, подлежали аресту и высылке за границу как неблагонадежные и потенциально опасные элементы. Однако с началом боевых действий выдворение за границу оказалось делом непростым, поэтому чаще прибегали к административной высылке во внутренние районы империи: Вологодскую, Вятскую, Оренбургскую губернии.

В условиях военного времени по вопросам шпионажа местному ГЖУ приходилось вступать в переписку с жандармскими управлениями других губерний. Подобные контакты касались в основном исполнения запросов и проверки правдоподобности различных агентурных или анонимных сведений. Так, в конце 1915 г. в Московское ГЖУ поступило анонимное письмо. В нем говорилось, что скандально известный жандармский полковник С. Н. Мясоедов, арестованный за шпионаж в феврале 1915 г. и в скором времени казненный, накануне войны в 1914 г. в течение пяти дней находился в Воронежской губернии – в с. Нижний Кисляй Бобровского уезда. Целью визита Мясоедова была якобы покупка им имения бывшего князя Васильчикова, принадлежащего ныне акционерному обществу Сумских сахарных заводов. Арендатором имения являлся 65-летний Давид Животовский, занимавшийся хлебной торговлей. Основанием для составления анонимного доноса стали сведения о якобы увиденном на территории имения потайном телеграфе, охраняемом в стоге соломы австрийским офицером. Вскоре выяснилась ложность сведений, изложенных в письме. По оказавшимся в распоряжении начальника воронежской жандармерии Дацевича негласным сведениям, автором анонимного письма предположительно являлся сын проживающего в г. Боброве частного поверенного Александр Калашников, обучающийся в одном из московских институтов [6, л. 462]. Что стало поводом для написания подобного письма, осталось за рамками официальной переписки. Возможно, что возбужденное сознание молодого человека нарисовало картину, как уличенный в шпионаже Мясоедов осуществлял свою гнусную деятельность накануне войны в его родном Бобровском уезде.

1915 г. был пиком развития шпионмании в России. Тяжелейшие и кровопролитные сражения, кото-

рые вела Русская армия в это время, подорвали моральный дух солдат, изменили отношение к войне, способствовали широкому распространению слухов об измене в высших эшелонах власти. Поэтому представляется, что появление подобного письма именно в 1915 г. не случайно.

Однако еще в конце 1960-х гг. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья советского историка К. Ф. Шацилло, в которой автор подверг серьезной критике версию о «шпионской деятельности» Мясоедова и разоблачил ее как несостоятельную [8, с. 103–116]. К схожим выводам пришел американский историк У. Фуллер. В 2009 г. на русский язык была переведена его книга «Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России». В ней было проанализировано нашедшее в свое время дело Мясоедова. Фуллер утверждает, что обвинения в шпионаже, выдвинутые в адрес жандармского офицера, были сфабрикованы. Мясоедов оказался жертвой обстоятельств [9].

Еще ранее, в августе 1914 г., воронежские жандармы вступили в переписку со своими владимирскими коллегами. Основанием для этого послужили публично произнесенные слова аптекаря Виктора Домбковского с явной симпатией в адрес Германии. До войны Домбковский проживал в Переяславском уезде Владимирской губернии, где служил провизором в местной аптеке. Призванный по мобилизации на действительную военную службу, был отправлен в полевой запасной госпиталь № 245 в Воронеж. По филерским донесениям унтера Малюкова от 9 августа 1914 г. госпиталь развернут в пригородной слободе Троицкой по Большой Троицкой улице в д. № 22. Сам же Домбковский квартирует по той же улице в д. № 7 Якимова во втором этаже.

21 июля Домбковский, придя в лавку братьев Пазилых, вступил в разговор с находившимися там крестьянами, у которых были приняты лошади для поставки в войска. На заявление одного из крестьян, что его лошадь стоила 600 руб., а ее приняли всего за 150 руб., бывший аптечный провизор ответил следующее: «Будь это в Германии, то там так не поступили бы». Затем стал доказывать, что Германия – страна просвещенная, владычества ее бояться нечего и русским жилось бы хорошо. У нас же, благодаря нашему правительству, народ затемнел, и потому России на успех надеяться очень трудно. Домбковский говорил также о необходимости автономии для Польши, что автономия все-таки будет, и если не Россия, то ее даст Германия или Англия [4, л. 61–62].

Естественно, что подобные непатриотичные высказывания медика-интеллигента, особенно в условиях начавшейся войны, вызвали бурю негодования среди обывателей Троицкой слободы, став основанием для возбуждения дела по подозрению в шпионаже

и переписки Воронежского и Владимирского жандармских управлений. Как и следовало ожидать, ничего предосудительного в личности и предыдущей деятельности В. Домбковского не обнаружилось.

13 декабря 1915 г. руководитель Воронежского ГЖУ полковник В. И. Дацевич получил документ с грифом «Секретно» за подписью контрразведчика В. В. Тишевского. Он содержал сведения, представлявшие собой копии выписок из показаний возвратившегося из германского плена [6, л. 509]. Хранящийся ныне в архиве документ каких-либо выходных данных не содержит, поэтому предположить, кому именно принадлежат показания, офицеру либо нижнему чину, и уж тем более установить имя, не представляется возможным. Речь шла о вербовке немцами в пункте военнопленных в г. Штеттине. Его уверяли о хорошо развитой в России агентуре, среди агентов есть высшие офицеры Генерального штаба. Возможно, немцы преувеличивали, порой и откровенно лукавили, пытаясь таким образом склонить на свою сторону русского военнопленного. За оказанные услуги обещали платить огромные деньги. Один только приезд в Стокгольм (в шведскую столицу он должен был приехать через 5–6 недель после возвращения в Россию и по сбору необходимых сведений) мог осчастливить потенциального шпиона на тысячу рублей.

По показаниям бывшего военнопленного, «немцы думают работать в России и после заключения мира». Особенно немцев интересовали настроение общества, беспорядки, но главным образом – революционное движение. Потенциального осведомителя просили обратить также внимание на военные фабрики и заводы, передвижение войск и транспортных средств и т. д.

Особую ценность представлял изложенный в показаниях особый способ секретной переписки секретными чернилами, не известными в России. «На листе бумаги пишется обыкновенное письмо химическим карандашом с таким расчетом, чтобы заполнить одну сторону листа, а на другой стороне поместить только две-три строчки и подпись. На оставшейся чистой части второй стороны мягким золотым пером секретными чернилами пишется сведение. Написанное просушивается 15 минут и затем при помощи ваты смачивается чистым жидким чаем, после чего письмо закладывается в книгу под пресс, чтобы, высохнув, оно не было сморщенным. При отсылке письмо складывается пополам, написанным секретными чернилами вовнутрь. Таким образом, по внешнему виду письма можно определить агентское ли оно».

Введение и широкое использование в практике разведывательной деятельности новшеств и технических изобретений стало возможным благодаря стараниям руководителя германской разведки в годы

Первой мировой войны Вальтера Николаи. При одном из отделений Генерального штаба было создано специальное научное отделение, в котором трудились ученые химики, физики, математики. По свидетельству Николаи, русская разведка меньше других занималась проблемами усовершенствования химических чернил для тайнописи [1, с. 277].

В конце документа содержались сведения, как «очень тщательно и умело организован сбор сведений от пленных» в пересыльном пункте военнопленных в Штральзунде.

Многообразие поставленных перед жандармерией задач в годы Первой мировой войны вступало в противоречие с незначительной численностью личного состава ГЖУ, которое являлось одновременно и политическим сыском, и контрразведкой, и полицией нравов и пр. В течение 1914–1915 гг. в армию было направлено 178 офицеров ОКЖ, т.е. 18 % от штатного состава, а к январю 1917 г. в 43 тыловых ГЖУ из 218 полагавшихся по штату офицеров в списках числилось лишь 165 человек. Таким образом, нехватка составляла около 24 % [10, с. 19]. Работа отдельных жандармских управлений была практически парализована из-за кадрового голода.

Жандармское управление в Воронеже не стало исключением из этого правила. Еще до начала войны его состав был недоукомплектован двумя унтер-офицерами (вместо 27 положенных по штату числилось 25). С началом же военных действий в жандармерии недосчитались 9 унтер-офицеров, откомандированных по решению корпусного руководства на фронт [11, с. 70, 95]. Столь острый дефицит кадров оказывал существенное влияние на эффективность работы политической полиции в губернии.

На ниве борьбы с военным шпионажем воронежские жандармы особых лавр не снискали, однако критиковать их за бездеятельность было бы неправильно. Следует учитывать специфику региона. Губерния находилась на порядочном удалении от театра военных действий, представительства иностранных консульств здесь не располагались. Единственную «ценность» для потенциальных шпионов пред-

ставлял Воронежский трубочный завод товарищества «Столь и К^о», востребованный войной и экстренно возведенный в 1915 г. На нем производились дистанционные трубки и втулки для артиллерийских снарядов. Однако завод, по заверению полковника Дадевича, находился под надежной охраной.

Расследования по делам, связанным с военным шпионажем в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны, занимали большую часть деятельности воронежских жандармов. Как правило, подавляющее большинство обвинений в шпионаже были явно преувеличенными, порой откровенно надуманными и материалами дальнейшего дознания не подтверждались. Однако игнорировать их в условиях военного времени в целях сохранения государственной безопасности было недопустимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Старков Б. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи, 1903–1914 / Б. Старков. – СПб., 2006.
2. Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920) : Организационное строительство / А. А. Зданович. – М., 2004.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собрание Третье. – Т. 32–1. – № 37724. – Петроград, 1915.
4. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1088.
5. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1102.
6. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1180.
7. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1160.
8. Шацлло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова / К. Ф. Шацлло // Вопросы истории. – 1967. – № 4.
9. Фуллер У. Внутренний враг : шпиономания и закат императорской России / У. Фуллер ; пер. с англ. М. Маликовой. – М., 2009.
10. Хутарев-Гарнишевский В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД : органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Хутарев-Гарнишевский. – М., 2011.
11. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1063.

Воронежский государственный университет

Перегудов А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории

E-mail: Peregydoff@mail.ru

Тел.: 8-980-240-55-15

Voronezh State University

Peregudov A. V., Candidate of the Historical Sciences, Associate Professor of Political History Department

E-mail: Peregydoff@mail.ru

Tel.: 8-980-240-55-15